

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

СЛОВАРЬ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Вып. 2

(вторая половина XIV—XVI в.)

Часть 2

Л—Я

Ответственный редактор

Д. С. ЛИХАЧЕВ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»

1120616

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989

Нил Сорский (ок. 1433—7V1508) — организатор скита на р. Соре в Белозерском крае, автор посланий, Предания и Устава, завещания, молитвы, редактор и переписчик книг. Главными источниками сравнительно небогатых сведений о нем являются, во-первых, его собственные произведения, во-вторых, так называемое «Письмо о нелюбках», известное в списке 2-й четв. XVI в., и, в-третьих, Повесть о Нило-Сорском ските, дошедшая до нас в рукописи XVII в., написанной Иваком Ивановичем Плешковым, по-видимому, ее автором.

По слухам, сообщает Повесть, Н. родился в Москве и служил там как «судиям книгъчия». Хотя это название должности заимствовано из Библии (Второзак., I, 15; Ис. Нав., VIII, 33), какую-то связанную с книгами и судом реальность оно, по-видимому, отражает. Согласно же записи в одной из рукописей Устава Н., он «родом бе от. . . Москвы, скорошисец, рекше подъячей. . .». Во всяком случае ясно, что Н. с детства был грамотным человеком и жил до пострижения в Москве. Так что его самоуничижительные слова «невежа и поселянин емь» (в послании *Гурию Тушину*) нельзя понимать буквально. «Письмо о нелюбках» называет Н. «по реклу» Майковым, а из хроникальных заметок одного из его учеников и корреспондентов, *Германа Подольного*, знаем, что у Н. был брат Андрей, скончавшийся раньше его (в кон. 1502—нач. 1503 г.). По всей вероятности, это — известный дьяк великих князей московских *Василия II Васильевича* и *Ивана III Васильевича* Андрей Федорович Майко, во иночестве Арсений; в 1450—1490-х гг. он писал грамоты великого князя и княгини и был их посыльным в Спасо-Каменный, Кириллов и другие тамошние монастыри (см.: Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV—начала

XVI в. М., 1952. Т. 1. № 549; 1958. Т. 2. № 249; 1964. Т. 3. № 266, 268, 270), в 1494—1501 гг. наряду с Федором Васильевичем Курицыным (уступая ему по значению) принимал послов и вел с ними переговоры, а в 1495 г. ездил с Борисом Кутузовым послом в Литву (см.: Л и х а ч е в Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 67, 68). В таком случае Н. был связан родством с высшими слоями московской служилой знати. Монашеский постриг Н. принял — по-видимому, еще в молодости — в Кирилло-Белозерском монастыре. Грамоты 1460—1470 и 1471—1475 гг. называют Н. среди старцев этого монастыря. «Письмо о нелюбках» сообщает, что учителем Н. в монастыре был Паисий Ярославов, восприемник великого князя Василия от купели крещения, и что «князь великий держал их в чести в велице». В 1489 г. Новгородский архиепископ Геннадий советовал Ростовскому архиепископу Иоасафу и сам намеревался обратиться за советом по поводу слухов о близящемся конце света и распространяющихся ересей к старцам Паисию и Нилу, лицам, как из этого видно, высоко для него авторитетным. Геннадий был сторонником жестокой расправы с еретиками, но собор 1490 г., на котором старцы Паисий и Н. присутствовали, обошелся с еретиками сравнительно мягко. В науке существует мнение, что, судя по тому, что о дальнейших отношениях между архиепископом Геннадием и старцами Паисием и Н. ничего не известно, его мнения о мерах против еретиков они не разделяли.

По-видимому, еще до этого собора Н. вместе со своим учеником *Иннокентием Охлябининим* предпринял путешествие на Балканы, «был, — как сообщает «Письмо о нелюбках», — в Святей горе», побывал, как пишет он сам, «на святей горе Афонстей и в странах Цариграда» и там был «самовидцем» тому, как «духовные старцы» живут в «безмолвии» с одним, двумя или тремя учениками, и в «подобно время» встречаются с безмолвствующими поблизости монахами и «просвещаются беседами духовными». По сохранявшимся в Кирилло-Белозерском монастыре слухам, Н. провел на Балканах «время не мало».

Вернувшись на Русь, Н. покинул показавшийся ему слишком светлым из-за гипертрофированных коллективно-хозяйственных забот и приходящей во множестве «мирской чади» Кирилло-Белозерский монастырь и какое-то время жил, соорудив себе келью, «вне близ монастыря». Но и близость многолюдного общежития мешала ему, и он, отойдя дальше, на расстояние около 20 километров от монастыря, поселился в глухом болотистом лесу на берегу неширокой речки Соры, — «понеже, — писал он Герману Подольному, — благодатию божиею обретох место моему угодно разуму, занеже мирской чади маловходно». Туда к нему стали переходить искавшие его духовного руководства монахи, «хотящи жителствовати» рядом с ним, собралось несколько человек, и образовался скит. В 1515 г., спустя семь лет после смерти Н., в нем жило 14 человек. При жизни Н. там их вряд ли было больше.

Организация жизни в ските (о ней мы знаем из Предания Н. и из Повести) позволяет представить довольно выразительный «ду-

ховный портрет) его организатора, индивидуалиста-созерцателя и нестяжателя. В кельях жили по одному. Лес на территории скита рубить запрещалось. Из одной кельи могло быть видно не более одной другой, но не должно было быть слышно, что там происходит. Ничего кроме книг, икон и самого пужного, скромного, «повсюду обретаемого и удобь купуемого» в кельях иметь не полагалось. Слуг не держали. Скота тоже не было. Питаться скитяне должны были «от праведных трудов своего рукоделия». «Рукоделием» же могли заниматься только таким, какое возможно делать под крышей своей кельи. Пользоваться «стяжаниями, иже по насилую от чужих трудов собираемыми», им возбранялось. Милостыню допускалось принимать лишь в крайних случаях и умеренную. Помогать другим людям в беде они могли не материальными благами, а «разсуждением духовным». «Нестяжание бо, — считал Н., — вышши есть таковых поданий». Встречались жители скита два раза в неделю, собираясь в церковь для всенощной в среду вечером и в воскресенье. Если же на неделе случался праздник, требующий всенощной, бедние со среды на четверг отменяли, чтобы число всенощных в неделю не превысило двух.

Этот распорядок (мы знаем о нем из Повести о Нило-Сорском ските) показывает, что, регламентируя жизнь в ските, Н. использовал «Предание уставом иже на внешней стране пребывающим иноком», древнейшие списки которого находятся в рукописях *Кирилла Белозерского* и один из списков которого сделан отчасти рукой самого Н. (ГИМ, Епарх. собр., № 349/509, л. 6—8 об.). Очевидно, уходя из большого общежительного монастыря в лес, Н. следовал во многом примеру Кирилла Белозерского, ушедшего из большого Московского Симонова монастыря в лесное Заволжье примерно на сто лет раньше; и вероятно, Н. сознательно руководствовался тем же «Преданием уставом. . .», каким, по всей видимости, пользовался Кирилл Белозерский на начальной, скитской стадии жизни своего монастыря. Эти наблюдения корректируют высказывавшееся в науке мнение, что Н. был первым на Руси организатором скитской формы монашеской жизни, что он познакомился с ней на Балканах и что он тем самым как бы порывал с традициями русского монашества.

От примера Кирилла Белозерского Н. отступил лишь в том, что поставил препятствия процессу перерастания своего скита в общежитие. Во-первых, он ограничил прием в скит требованием, чтобы человек предварительно прошел выучку в общежительном монастыре (в ските никого не постригали); и это показывает, что он не порывал с традиционной системой форм монашеского подвижничества, в которой скит является промежуточным звеном между полным отшельничеством и общежительным монастырем, осознавая свое направление — в согласии с «Лествицей» *Иоанна Синайского* — как «средний путь». Он противопоставлял не скит общежитию, а нестяжательную духовную жизнь, возможную, на его взгляд, и в общежитии, рассеивающей внимание и рождающей «страсти» жизни ведущего большое хозяйство и эксплуатирующего чужой труд коллектива. Жительство монахов не по «святых писаниях

и по преданию святых отецъ, но по своих волях и умышленияхъ человеческихъ», их преданность «стяжаниямъ сел и притяжаниямъ многихъ имений» — одна из постоянныхъ темъ его сочинений. С этимъ хорошо согласуется сообщение «Письма о нелюбкахъ» о томъ, что в 1503 г. на соборе в Москве Н. поднялъ вопросъ о монастырскихъ владенияхъ: «. . . нача. . . глаголати, чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы чернцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукоделиемъ. А с нимъ — пустынники белозерские».

Но вообще путь борьбы за исправление пороковъ окружавшаго его общества, даже общества монашескаго, былъ чуждъ Н. Характерно, что Гурию Тушину онъ советовалъ просто удалиться отъ «мирская мудрствующихъ и упражняющихся в безсловеснаа попеченна — яже в прибытки маностырскаго богатства и стяжания имений», говоря, что «не подобаетъ же и на такихъ речми наскакати, ни понашати, ни укорити, но — богови оставляти сиа: силен бо есть богъ исправити ихъ».

С темъ, что Н. считалъ приемлемымъ и действительнымъ методомъ избежания «безсловесныхъ попечений», связано второе требование, какое онъ предъявлялъ желающимъ жить у него в ските, — быть грамотными. Из Повести о Нило-Сорскомъ ските известно, что неграмотныхъ в скитъ не принимали. Это известие отвечаетъ одной изъ основныхъ темъ в сочиненияхъ Н., а именно утверждаемой имъ необходимостью жить «по божественныхъ писаниихъ и по преданию святыхъ отецъ», все вопросы решать, «испытую божественая писания», постоянно «в писаниихъ божественныхъ поучатися». При этомъ Н. считалъ нужнымъ разборчиво относиться къ «писаниямъ»: «Писания бо многа, но не вся божествена суть». Само по себе требование отъ монаховъ грамотности заставляетъ вспомнить правила основателя общежительныхъ монастырей Пахомия Великаго (IV в.), согласно которымъ каждый в монастыре долженъ былъ знать грамоту. Но следуетъ также заметить, что постоянная устремленность испытующаго взгляда Н. в «писания» («в томъ животъ и дыханье мое имею») сближаетъ его съ караимами («читающими»), оказавшими, судя по всему, определяющее влияние на развитие современной ему новгородско-московской ереси «жидовская мудрствующихъ». Возможно, именно по причине этого сходства съ еретиками Н. счелъ нужнымъ письменно засвидетельствовать свое полное принятие всехъ отвергаемыхъ еретиками церковныхъ догматовъ и святоотеческихъ писанийъ и предать проклятию «лжеименныхъ же учителей еретическая учения и предания вся».

Предание Н. (въ рукописной традици его заглавие несколько варьируется: «О жителстве святыхъ отецъ сие предание старца Нила Пустынника ученикомъ своимъ, и всемъ прикладно имети сие», «О жителстве скитскомъ отъ святыхъ писанийъ», «Сие предание старца Нила Пустынника ученикомъ своимъ, абие кто в пустыни его живетъ, таже и прочимъ пустынникомъ всемъ прикладно имети сие о жителстве святыхъ отецъ» и т. п.), где находится это свидетельство, представляетъ собой поучение объ общихъ нормахъ жизни в его ските, обращенное, какъ онъ пишетъ, къ «братии моеи приснымъ, яже суть моего нрава», с убеждениемъ соблюдать заповеди, следовать святоотеческимъ пре-

даниям, без необходимости не выходить за пределы обители, быть умеренными в пище и нестяжательными, питаясь от выручки за свое рукоделие и ни в кельях, ни в церкви не допуская драгоценной утвари и украшений. По жанру Предание в значительно большей мере является монастырским уставом, нежели то сочинение Н., за которым закреплено в науке название «Устав» («От писаний святых отец о мысленном делании, чего ради нужно сие и како подобает тшцаться о сем»).

Устав состоит из предисловия и 11 глав-«слов». Это самое большое из сочинений Н. Речь в нем идет главным образом о внутренней жизни подвижника — о борьбе со страстями, о том, что Н. называет «мысленным деланием», «деланием сердечным», «мысленным блюдением», «умным хранением», «хранением сердца», «умной молитвой» и т. п. Здесь говорится об этапах развития «страсти» в человеке и о видах «страстных помыслов». Следуя традициям византийской психологической, особого рода «научной», аскетической, литературы, ссылаясь на целый ряд авторов, из которых Н. особенно часто вспоминает и цитирует Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита и Иоанна Лествичника, он различает «прилог» (когда «помысел прост или образ» или «каа-либо мысль на ум человеку принесена будет»), «сочетание» («приятие помыслу»), «сложение» («приклонение съсластно души к явльшемуся помыслу или образу»), «пленение» («егда пленен будет ум помыслы») и «страсть» (когда человек постоянно обуреваем «страстными помыслы»). «Страстных помыслов» Н. различает восемь: «чревообъясный», «блудный», «сребролюбивый», «гневный», «печальный», «уныния», «тщеславный» и «гордостный». Как метод борьбы с ними Н. рекомендует самое «начало пришедшего помысла отсекаати» и «беспрестанно можитися», чтобы «имети сердце безмолствующе от всякого помысла» и «молчати мыслию». Награда за этот труд — «неизреченная радость», пребывание «в непостижных вещах», «в изступлении», когда «кипит из сердца. . . сладость некаа», когда человек уверен, что «нести ино что небесное царство, точию се», и, «в сих быв, не токмо не хочет ис келиа изыти, но и в ров, под землю ископан, хочет съкровен быти». Такого рода темы в сочинениях Н. позволяют поставить его в ряд писателей-исихастов, «безмолвников», или «молчальников», на которых он и ссылается. Вероятно, Н. прошел какую-то школу «безмолвия» во время пребывания на Афоне, но главным его руководителем, как он говорит, были книги. Отсутствие хороших наставников, пишет он, тоже требует от желающих достигнуть «небесного царства» постоянного изучения «божественных писаний».

В послании «к брату, въпросившему его о помыслех» (*Вассиану Патрикееву*) Н. утешает и наставляет своего адресата, как кажется, недавно и поневоле простившегося с миром. В послании «иному о ползе» (Гурию Тушину) он отвечает на вопросы о борьбе с «блудным» и «хулным» помыслами и о том, как «отпустить от мира» и «не заблудити от истиннаго пути». В послании «к брату, просившу от него написати ему еже на ползу души» (Герману Подольному) Н. пишет о важнейшем своем правиле — «испытывать» божественные писания.

Маленькое четвертое послание — к «брату с восточных страны на поязу души» (неизвестному адресату) — написано в ожидании встречи, когда «пространнее будет беседа о всем, про все»; но и тут, в нескольких строках, Н. не упускает случая отметить главные, по его мнению, дела монаха: «в писаних божественных поучатися, и в рукоделиих себе обучати, и безмолвие любити». В посланиях Н. есть текстуальные совпадения с его Уставом.

В Завещании Н. просит «повергнуть» тело его «в пустыни, да изъядят е зверие и птица, понеже съгрешило есть. . . много и недостойно есть погребения». Если же «господа и братиа, яже суть моего права», к которым он обращается, этого не сделают, то пусть они, пишет он, «ископавше ров, на месте, идеже живем, с всяким бесчестиемъ» погребут его.

Н. составил, отредактировал и собственноручно переписал начисто трехтомный «Соборник» — расположенное по дням празднования, начиная с сентября и кончая августом, собрание переводных с греческого житий святых (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 684; Волок. собр., № 630; Государственный литературный музей (Москва), № 126 и ЦГАДА, Волок. собр., № 564). Он старался создать наиболее исправный текст произведений, сверяя разные их списки, редакции и переводы, в спорных случаях предлагая варианты чтений и приглашая к продолжению этой текстологической работы своих читателей. Об этом он пишет в предисловии и послесловии к «Соборнику». Судя по водяным знакам бумаги, этой работой Н. занимался в 80—90-х гг. XV в.

Кроме того, известны переписанные рукой Н. конец «Предания уставом иже в внешней стране пребывающим иноком», начало его собственного Предания, выписки из книг Ефрема Сирина, Симеона Нового Богослова, Иоанна Златоуста, патриарха Никифора, Аввы Дорофея, Василия Великого и др. (ГИМ, Епарх. собр., № 349/509, л. 6—15 об., 110—178 об.), а кроме того — два первых Слова, примерно две трети седьмого и далее восьмое, девятое и десятое Слова «Сказания о новоявившейся ереси», т. е. «Просветителя» Иосифа Волоцкого, целиком (ГПБ, Солов. собр., № 326/346, л. 47—51 об., 67—103 об., 215—287 об.). Древнейший датированный список «Просветителя», созданный при участии Н., оказывается, таким образом, красноречивым свидетельством положительного отношения Н. к л и т е р а т у р н о й борьбе *Иосифа Волоцкого* с еретиками.

Молитва Н. носит покаянный характер, содержание ее заимствовано из молитв перед причащением. Судя по тому, что Н. говорит в ней о своей телесной слабости и об ожидании смерти («Ум бо и тело пмам изнемогше, и время живота моего скончается, и конец смертный приближися. . .»), написана она им незадолго до смерти.

Н. приписывались учеными еще некоторые произведения, но без достаточных к тому оснований. Среди них — так называемое Послание иноку-князю Константину-Кассиану Мангупскому, озаглавленное в списке (ГБЛ, МДА фонд., № 36 (185), 2-я пол. XVII в.,

л. 23—26) «Послание от божественных писаний во отцох к екорбящему брату». Содержание послания не дает, однако же, оснований для атрибуции его Н. и не позволяет также признать греком его получателя (об этом человеке говорится как о недавно крещенном). Более основательно с Н. связывается большой период, повторяющийся в разных посланиях и роднящий их с так называемым «Посланием к иконописцу», которое послужило одним из источников «Просветителя» Иосифа Волоцкого (см.: Б о р о в к о в а - М а й к о в а М. С. К литературной деятельности. . .). Эта связь подкрепляется тем, что в древнейшем дошедшем до нас списке «Просветителя» Н. переписал как раз ту его часть, куда входит текст, основанный на «Послании к иконописцу».

Согласно «Письму о нелюбках» в 1503 г. в Москве Н. участвовал в работе собора, посвященного решению вопроса о вдовых полах. Поставленный Н. на этом соборе вопрос о правомочности монастырей владеть селами дал толчок длительным спорам между последователями Н., «нестяжателями», и последователями Иосифа Волоцкого, «иосифлянами», — спорам, продолжавшимся долгое время и после смерти Н. Похоронен Н. на территории основанного им скита.

Житие Н. до нас не дошло; в рукописях встречаются посвященные ему как преподобному тропари, кондак и икос.

Изд.: Преподобного Нила Сорского предание учеником своим о жительстве скитском. М., 1849; [Е г а л и н]. Преподобный Нил Сорский, первооснователь скитского жития в России, и устав его о жительстве скитском (в переводе на русский язык) с приложением всех других писаний его, извлеченных из рукописей. СПб., 1864 (то же: М., 1869; Кириллов, 1907); Преподобного о. н. Нила Сорского предание учеником своим о жительстве скитском. СПб., 1889; Н и к о л ь с к и й Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности // ИОРЯС. 1897. Т. 2. С. 78—89; Б о р о в к о в а - М а й к о в а М. С. Нила Сорского Предание и Устав. СПб., 1912 (ПДПИ. Т. 179); П р о х о р о в Г. М. Послания Нила Сорского // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 125—143.

Лит.: Г о р с к и й А. В. Отношения инок Кириллова Белозерского и Иосифова Волоколамского монастыря в XVI веке // Прибавления к творениям святых отцов. Б. м., 1851. Т. 10. С. 504—508; О сношениях русской церкви с святогорскими обителями до XVIII-го столетия // Там же. 1854. Т. 13. С. 141—144; Ш е в ы р е в С. История русской словесности. Лекции. М., 1860. Т. 4. С. 177—196; Ф и л а р е т [Г у м и л е в с к и й]. Русские святые. Чернигов, 1862. Т. 4, апр. С. 15—23; Н и к о л а е в с к и й П. Ф. Русская проповедь в XV—XVI вв. // ЖМНП. 1868. № 4. С. 268—388; П а в л о в А. С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. 1. Попытки к обращению в государственную собственность поземельных владений русской церкви в XVI веке (1503—1580). Одесса, 1871; П - п о в. Из истории русского монашества в XVI в. // ЧОЛДП. 1872. № 9. С. 138—149; № 11—12. С. 349—357; П р а в д и н А. А. Преподобный Нил Сорский и устав его скитской жизни // Христ. чт. 1877. Ч. 1. С. 114—157 (С-В В л а д и м и р [Рецензия] // Странник. 1877, окт. С. 101—108); П а н о в И. В. Ересь жидовствующих // ЖМНП. 1877, февр. С. 277—295; Р о з а н о в Н. П. Спор иосифлян с белозерскими старцами // Странник. 1877, май. С. 156—172; С о л о в ь е в В. Религиозно-нравственное состояние русского общества перед реформой Петра Великого // Там же. 1878, дек. С. 381—385; Ж м а к и н В. Митрополит Даниил и его сочинения // ЧОИДР. 1881. Кн. 1. С. 25—76 (З н а м е н с к и й П. [Рецензия] // Церковный вестник. 1884. № 27—28, № 29); А р х а н г е л ь с к и й А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев: Их литературные труды и идеи в древней Руси. Ч. 1.

Преподобный Нил Сорский. СПб., 1882 (ИДП. Т. 16) (Д. К. [Рецензия] // ЖМНП. 1882, сент. С. 205—207); Макарий [Булгаков]. История русской церкви. СПб., 1887. Т. 6. С. 127—135; Юстин, епископ. Преподобный и богоносный отец наш Нил, подвижник Сорский. М., 1892; Муравьев А. Н. Русская Фиваида на Севере. СПб., 1894. С. 241—300; Пыпин А. 1) Вопросы древнерусской письменности, Иосиф Волоцкий и Нил Сорский // Вестник Европы. 1894. Кн. 6. С. 746—759; 2) История русской литературы. СПб., 1916. Т. 2. С. 75—87; Левицкий Г. Отчет профессорского стипендиата Г. Левицкого о занятиях в 1889—1890 г. // Христ. чт. 1895. Вып. 2—3. Протоколы заседаний совета Санктпетербургской духовной академии. С. 287—345; Копелев Н. Святые Вологодского края // ЧОИДР. 1895. Кн. 4, отд. IV. С. 76—80, 94—95; Никольский Н. К. 1) О влиянии византийских ученых на Нила Сорского // ВВ. СПб., 1895. Т. 3. С. 192—195; 2) Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство. СПб., 1897. Т. 1, вып. 1; 1910, вып. 2; 3) Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897. С. XXXVII—XLII (ИДП. Т. 113); 4) Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI веках и в начале XVII-го // Христ. чт. 1907, авг. С. 170—172, 182; Абрамцев А. Преподобный Нил Сорский и его устав скитского жития // Труды Киевской духовной академии. 1889. № 3. Прил. С. 226—234; Иустин, архимандрит. Преподобный и богоносный отец наш Нил, подвижник Сорский, и Устав его скитской жизни. М., 1902; Кадыловский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых // РФВ. 1902. № 1—2. С. 68—85; Вилнский С. Послания старца Артемия (XVI в.) // Записки имп. Новороссийск. ун-та. Одесса, 1906. Т. 106. С. 386—414; Яцимирский А. И. Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв. СПб., 1906. С. CXVI—CXVIII (ИДП. Т. 162); Калестинов К. Великий старец: Очерк жизни преподобного Нила Сорского. СПб., 1907; Гречев Б. 1) Заволжские старцы в литературном решении спорных вопросов русской общественной жизни конца XV—XVI вв. // БВ. 1907. Т. 2, № 7—8. С. 477—522; 2) Преподобный Нил Сорский и «заволжские старцы» — публикации // Там же. 1908. № 5. С. 57—82; № 9. С. 49—66; № 11. С. 327—343; 1909. № 5. С. 42—56; Преображенский В. Славянорусский скитский патерик. Киев, 1909. С. 254—257; Боровков А. Майков М. С. 1) Великий старец Нил, пустыльник Сорский // РФВ. 1910. Т. 64, № 3—4. С. 62—78; 2) Нил Сорский и Паисий Величковский // Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 27—33; 3) К литературной деятельности Нила Сорского. СПб., 1911 (ИДП. Т. 177); Окровский К. В. К литературной деятельности Нила Сорского // Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1911. Т. 5. Протоколы. С. 32—34; Орлов А. С. Иисусова молитва на Руси в XVI в. СПб., 1914. С. 27—32 (ИДП. Т. 185); Иконников В. Максим Грек и его время. Киев, 1915. С. 393—395; Смолч И. 1) Великий старец Нил Сорский // Путь. Париж, 1929. № 19, нояб.; 2) Smolitsch I. Das altrussische Mönchtum (11—16. Jahrhundert) // Das östliche Christentum. Würzburg, 1940; 3) Leben und Lehre der Starzen. Cologne; Olten, 1952; 4) Das Russisches Mönchtum, Entstehung, Entwicklung und Wessen, 988—1917 // Das östliche Christentum. 10/11. Würzburg, 1953; Ржигла В. Ф. Из полемики «носифлян» и «нестяжателей» // Известия АН. Отд. гуманитарных наук. 1929. № 9; Будовниц И. У. 1) Русская публикация XVI в. М.; Л., 1947; 2) Первые русские нестяжатели // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1958. Т. 5. С. 264—282; Erístov G. Kh. Traduction et commentaire d'un texte de Nile Sorsky. Paris, 1950; Fennell J. L. I. The Attitude of the Josefians and Trans-Volga Elders to the Heresy of Judaizers // The Slavonic and East European Review. 1951. V. 29. N 73; Meyendorff J. Une controverse sur le rôle sociale de l'Église. Le querelle des biens ecclésiastique au XVIe siècle en Russie // Irenikon. Chevetogne, 1950. V. 00; Лурье И. С. 1) Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего носифлянтства // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 123—126; 2) К вопросу об идеологии Нила Сорского // Там же. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 182—213; 3) Заметки к истории публицистической литературы конца XV—первой половины XVI в. 2. Мнимые послания Нила Сорского Паисию Ярославцу // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 460—463; 4) Собрание на

лихопмцев» — неизданный памятник русской публицистики конца XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 132—146; L i l i e n f e l d F. V. 1) Der athonitische Hesychasmus des 14. und 15. Jahrhunderts im Lichte der zeitgenössischen russischen Quellen // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. München, 1958. N. F. Bd 6. N. 4; 2) Josif Volockij und Nil Sorskij, ihre sogenannten «Schulen» und ihre Stellung im gesellschaftlichen und politischen Leben ihrer Zeit // Zeitschrift für Slavistik. Berlin, 1958. Bd 3; 3) О литературном жанре сочинений Нила Сорского // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 80—98; 4) Nil Sorsky und seine Schriften. Die Krise der Tradition im Russland Ivans III. Berlin, 1963; Б о л ь ш а к о в С. Преподобный Нил Сорский // Messenger de l'Exarchat du Patriarch Russe en Europe Occidentale. 1960. T. 9. P. 46—58; К а з а к о в а Н. А. 1) Вспомин Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 5—35; 2) Книгописная деятельность Гурия Тушина // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 179—180; М о и с е е в а Г. Н. Об идеологии нестяжателей // История СССР. 1961. № 2. С. 88—101; З и м и н А. А. Борьба политических группировок при дворе Ивана III и опала Патрикеевых в 1499 г. // Новое о прошлом нашей Родины. М., 1967. С. 91—103; М а л о н е у G. A. Russian Hesychasm: The Spirituality of Nil Sorsky. Paris, 1973; К л о с с Б. М. Нил Сорский и Нил Полев — «писатели книг» // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 150—167; П р о х о р о в Г. М. 1) Автографы Нила Сорского // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975. С. 37—54; 2) Повесть о Нило-Сорском ските // Там же. Ежегодник 1976. М., 1977. С. 12—20; Β α σ ί λ ε ι ο ς, μ ο ν α χ ο ς [Grolimund]. Τοῦ ἐν ὀνόματι πατρὸς ἡμῶν Νεῖλου Σόρσκου ἅπαντα τὰ σφωδόμενα ἱερατικῶς. Θεσσαλονίκη, 1985.

Г. М. Прохоров